

Это было тревожное беспокойство. Словно внутри него кипела целая толпа людей, громко спорящих и создававших хаос. Он облизал пальцы, на которых остались крошки сладостей, и сладкий вкус обволок его язык. Подперев щеку рукой, он размышлял: почему же до сих пор нет никаких вестей?

Капли воды высохли, и его волосы, скрученные, как водоросли, стали свежими и постепенно распушились. Когда прозвенел будильник, человек, спавший на диване, вздрогнул и инстинктивно протянул руку, быстро схватив трубку телефона, но в ответ услышал лишь гудки. Коробка с пирожными, лежавшая у него на коленях, упала на пол с громким стуком, и только тогда он понял, что ошибся — звонка не было.

Словно облегченно вздохнув, он постепенно расплылся в улыбке, как ребенок, радостно воскликнув. «Он потерял ко мне интерес». Затем он вспомнил о сегодняшних иллюзиях, о том беспокойном влечении. Сердце на мгновение сжалось, но он тут же махнул рукой: ну и что, он все равно любит женщин.

Он все еще стоял у двери, жара не отпускала, и его лицо было мокрым от пота. Капля повисла на ресницах, и вскоре на ковре появилось круглое темное пятно. Дрожа, он закрыл глаза, пытаясь сомкнуть ноги, но руки болели от напряжения. Тогда он простонал, недовольно вытащив изо рта мокрый пистолет.

Его щеки терлись о ковер, и это было больно. Руки слишком устали, и это тоже причиняло боль. Словно обиженный, он чувствовал, как пот, словно слезы, стекал по его щекам, покрытым тонким пушком, оставляя пятна на покрасневшей коже. Он мучительно скривился.

Рука Юн Цзиня скользнула по его спине, поднимаясь вдоль позвоночника, пока не достигла дрожащего кадыка, шеи и клочка растрепанных волос, которые были собраны в ладони. Голос мужчины был мягким, слова вежливыми, как будто он обсуждал дела, но в то же время в его тоне чувствовалась надменность.

— Господин Чжоу, хотя история с Шерли меня очень расстроила. Но я восхищаюсь вами. Возможно, сегодня мы сможем решить этот вопрос, если вы приложите немного усилий и потерпите. Пожалуйста, не плачьте.

Говоря это, он явно намекал на кое-что, и грубая ткань перчатки терлась о уголок его рта, стирая следы помады.

Чжоу Цзюнь попытался приподняться, но его снова, не терпящим возражений движением, сжали за шею и медленно, с трудом прижали обратно. Рука Юн Цзиня разжала его губы, и пальцы в перчатках погрузились в его язык, словно проверяя товар. Он услышал, как Юн Цзинь сказал:

— У господина Чжоу прекрасные рот и глаза.

Пальцы грубо копались у него во рту, а затем вытащили. Влажная перчатка снова коснулась его соска, на этот раз с большей силой, безжалостно мучая его. Ноги сжались сильнее, тело Чжоу Цзюня сильно дернулось, и раздался звук хлопков между ног, а позвоночник почувствовал холод металлической пряжки ремня. Его руки, связанные за спиной, слегка разжались.

Он коснулся напряженного живота, единственного места, где он мог дотронуться до этого мужчины без преград. Чжоу Цзюнь еще больше сжался, чувствуя страх и тревогу, но не из-за того, что могло войти в его тело, а из-за...

Он открыл глаза, дыхание все еще было прерывистым. В полузабытьи он не мог понять, был ли это сон или реальность, словно сцена повторилась. Почему ему снились такие вещи? Чжоу Цзюнь сел на кровати. Окно было открыто, и легкий ветерок дул внутрь, принося прохладу. Лунный свет был синим, разливаясь по комнате. Его тело, вышедшее из сна, было красным, облитым горячим потом. Поясница ныла, и боль дрожала в костях, словно стонала.

Нога высунулась из-под одеяла, халат задрался до живота. В слабом свете он посмотрел на свое нижнее белье. Оно было напряжено и указывало вперед, ствол багрового цвета, и он протянул руку, чтобы схватить его.

С чувством глубокого удовлетворения он тихо промычал в нос. Его взгляд остановился на углу у двери спальни. Не зная, о чем думать, он оперся на изголовье кровати, исследуя свое желание. В сладком опьянении страсти он вдохнул табак. В легком головокружении он коснулся своей шеи, где она слегка дрожала.

Пот мужчины капал, словно мелкие брызги, разбрызгиваясь вокруг шеи. Незавершенный сон, нежелание признать удовольствие. Он покачивал бедрами, ягодицы беспорядочно двигались по простыне. Две округлости, покрытые тонким слоем пота, поднимались и опускались, окрашивая простыню в темный цвет. Пальцы ног били по одеялу, а затем снова сжимались в комки.

Его одежда была вся смята, и он с раздражением снял ее, сбросив на пол, рядом с парой туфель и несколькими незаконченными книгами. Рука Чжоу Цзюня легла на край кровати, пальцы жадно сжали простыню, закручивая ее между собой. Чжоу Цзюнь закрыл глаза, и в полузабытьи он услышал голос Юн Цзиня. У господина Чжоу прекрасные глаза.

Звонок телефона прервал эту интимную сцену, словно кто-то застал его за чем-то постыдным. Чжоу Цзюнь вздрогнул, отпустив простыню, и страсть мгновенно рассеялась. Звонок раздавался снова и снова, и он почувствовал странное предчувствие. Обнаженный, он встал с кровати и направился в гостиную, его промежность была холодной и влажной. Он схватил трубку и сказал:

— Алло.

Его голос был слишком мягким и дрожащим, больше похожим на стон, чем на приветствие.

С другой стороны раздался низкий смех, словно кто-то дышал ему в ухо из темноты. Чжоу Цзюнь слегка кашлянул и снова заговорил:

— Господин Юн.

Он взглянул на часы: было уже два часа десять минут ночи.

— Вы прервали мой сон.

— Прошу прощения, — ответил Юн Цзинь. — Только что увидел подарок, который вы мне оставили, и не смог сдержать эмоций, забыв о времени.

Его голос был создан для любовных речей, и хотя слова не были искренними, они звучали сладко, словно пропитанные медом. Чжоу Цзюнь сел на диван, и после того, как жар страсти угас, ему стало немного холодно. Он сказал:

— Подождите минуту.

Он вернулся в комнату, накинул пиджак, взял пепельницу и вернулся к телефону.

Он говорил с Юн Цзинем так же, как и со всеми своими женщинами, с легкой двусмысленностью и игривостью. Он небрежно зажег спичку, и пламя разгорелось, как красный цветок. Глядя на него, он с легкой улыбкой спросил:

— Вам понравились перчатки? По-моему, они больше подходят генерал-майору Юну.

Генерал-майор не ответил на вопрос, а спросил:

— Вы курите?

Чжоу Цзюнь поднес спичку к сигарете, подождал, пока она разгорится, а затем потушил ее, держа за деревянную палочку. Он закинул ногу на ногу и сделал затяжку, прежде чем ответить:

— У господина Юна отличный слух.

— Цвет дыма очень похож на ваши глаза. Только ваши глаза еще более привлекательны.

Чжоу Цзюнь принял комплимент с легким кивком, немного сдержавшись:

— Раз сегодня мы не смогли встретиться, можем ли мы считать этот вопрос закрытым?

Юн Цзинь вежливо ответил:

— Пропустить эту встречу — моя вина. Господин Чжоу, не могли бы вы оказать мне честь и завтра посетить представление в Грушевом саду? Мы увидимся там.

Чжоу Цзюнь внутренне усмехнулся. Слова звучали приятно, но на самом деле у него не было выбора.

Зная, что не должен, боясь, но все же не в силах сдержать внутреннее недовольство, он не смог удержаться и сказал:

— Мне очень жаль, но завтра у меня много дел, я...

Не успев закончить, он услышал, как Юн Цзинь произнес:

— Завтра в два часа, я буду ждать вас, господин Чжоу.

Закончив разговор, Чжоу Цзюнь снова принял душ. Не было ни слуг, ни няни, и ему пришлось поливать себя холодной водой, черпая ее ковшом. Тело дрожало от холода, но это не могло потушить огонь в его сердце. Он ненавидел это чувство бессилия, эту полную зависимость. Еще одна порция холодной воды, и его спина согнулась, мышцы онемели, а губы плотно сжались. Его лицо было мрачным, он был крайне недоволен.

На следующий день пошел дождь, улицы превратились в картину, разноцветные вывески и неоновые огни мерцали под дождем, отражаясь в лужах. Стекланные витрины впитывали все цвета. Небо было глубокого синего цвета, тяжелым и низким, почти касаясь крыш.

Чжоу Цзюнь был одет в светлый длинный халат и держал черный зонт. Без костюма он выглядел намного моложе, его осанка была изысканной. В прохладном дожде он увидел, как машина медленно остановилась перед ним, осторожно, чтобы не забрызгать его одежду.

Окно опустилось, и внутри сидел улыбающийся Юн Цзинь. Он был удивлен, не ожидая увидеть его в машине. Сердце забилось, и, держа зонт, он слегка наклонился, приблизившись к окну. Он не говорил и не собирался обходить машину, чтобы сесть. Он просто улыбался, его глаза были мягкими от дождя, и он смотрел на Юн Цзиня.

Его намерение было ясным: он хотел, чтобы этот господин уступил ему место. Безумная, дерзкая мысль.

<http://bllate.org/book/16825/1547230>